

Гермиона пропустила ужин, решив вместо этого отправиться в свою спальню, чтобы поплакать. О Боже. Она не чувствовала себя так со времен Хэллоуина на первом курсе. Сотрите это, Рождество третье. Когда она думала, что Гарри ненавидит ее. Она вздрогнула от воспоминаний, затем отвлеклась от старых дней. То, что произошло ранее во время обеда, было тем, о чем ей нужно было подумать сейчас.

Это напугало ее, прилив любви и желания, которые она испытала, когда Джеймс сказал, что любит ее, назвав ее «Миона». Это было специальное ласкательное имя Гарри для нее, и, услышав и увидев, как оно слетает с губ Джеймса, у нее возникло слишком много воспоминаний. Он выглядел как Гарри, говорил как Гарри, даже вел себя как Гарри. Как она могла быть рядом с ним каждый день и не расплакаться?

Переодевшись в свою старую пижаму, майку и шорты, Гермиона забралась на свою кровать с балдахинном и расплакалась. Она все еще рыдала, когда Лили заглянула в комнату, прежде чем вернуться в гостиную.

До сих пор Гермионе удавалось сопротивляться искушению заглянуть в свой альбом для вырезок, но сегодняшний вечер станет исключением. Гермионе потребовалось всего несколько минут, чтобы снова разрыдаться, прижимая к груди беззаботные фотографии ее, Гарри и Рона, когда она плакала.

Лили открыла дверь так тихо, как только могла, стараясь не беспокоить Гермиону. Бросив быстрый взгляд, она увидела, что Гермиона все еще плачет и смотрит на фотографию. На полу валялся раскрытый кожаный альбом, и фотография выглядела так, будто ее вынули из книги. Она стояла лицом к стене, свернувшись калачиком, спиной к двери. Лили закрыла дверь так тихо, как только могла, и медленно спустилась по лестнице в гостиную.

У лестницы в спальню мальчика группа кресел и столов была заполнена жалкими телами Мародеров. Это было их место, сколько они себя помнили, и именно туда направлялась Лили.

«Она все еще плачет», — объявила Лили группе. Джеймс выглядел расстроенным, а Ремус и Сириус то беспокойно поглядывали на лестницу, то друг на друга, то на Джеймса.

"Что ты хочешь, чтобы мы сделали?" Джеймс застонал. Он уронил голову на руки и рывкнул на Сириуса. — Перестань пялиться на меня! Если бы я этого не сделал, то это сделал бы один из вас, двоих влюбленных! Единственное другое чертово прозвище для Гермионы — Герм или Герми! И это звучит ужасно!

Выражение лица Ремуса смягчилось. "Ты прав, Джеймс. Извини. Просто..."

"Я знаю. Но, просто, ну знаешь... перестань пялиться?" он спросил.

«Конечно. Лили, разве девушки не должны идти и, ну ты знаешь... утешать друг друга или что-то в этом роде?» Ремус одарил Лили своей версией щенячьих глаз.

Она помедлила, сказав: «Ну, да. Но я действительно не так хорошо ее знаю, и я не...»

«Просто сделай это, Лили! Худшее, что она может сделать, это продолжать плакать!» — прервал Сириус. Затем он бесцеремонно подтолкнул ее к общежитию девушки и тихо сказал: «Пожалуйста, Лили? Я обещаю не дразнить Сопливуса в течение двух недель, если ты сделаешь это для меня».

— Три, — торговалась Лили, скрестив руки.

— Три, — согласился Сириус.

Лили посмотрела на него, оценивая его искренность. "Хорошо. Но абсолютно ничего в течение трех недель, понятно?"

"Да. Я понял. Теперь иди!"

Лили с трепетом вошла в комнату, приоткрыла дверь и подошла к стойке с плакатом, где стояла рыдающая девушка. — Гермиона? Ты в порядке?

Гермиона, пораженная звуком голоса девушки, направила палочку на Лили, прежде чем поняла, с кем разговаривает. "Лили?"

«Да. Я пришел узнать, все ли с тобой в порядке. Ты только что выбежал из комнаты после Рунеса, и мы не видели тебя за ужином. Джеймс чувствует себя ужасно». Лили остановилась, позволив своему голосу стихнуть, впечатленная скоростью реакции Гермионы.

— Мне очень жаль. Просто, очень, очень трудно его увидеть. Есть здесь еще кто-нибудь? Она не смогла бы рассказать Лили все, если бы ей пришлось держать свое место в этом измерении в секрете. Тем не менее, Дамблдор кое-что сказал ей. Пока никого не было рядом, они могли говорить правду.

«Нет, только я. Я подумал, что это как-то связано с путешествием во времени. Или ты из другого измерения?» Голос Лили смягчился, когда Гермиона положила палочку обратно на кровать, с облегчением оттого, что она больше не направлена на нее.

— Другое измерение. А это значит, что мне позволено спасти тебя и Джеймса. И Сириуса, и Дамблдора, и Элис, и Френка, и Ремуса, и Сева, и... ну, всех.

— Что ж, приятно это знать. Я не собиралась умирать. А теперь скажи мне, что тебя беспокоит, — Лили села на кровать и обняла Гермиону. — Может, начать с картинки?

«Сначала скажи мне, что ты видишь на картинке». Гермиона передала фотографию Лили,

повернув ее, чтобы показать Золотое Трио на третьем курсе прямо перед рождественскими каникулами.

— Я вижу, сейчас зима, а ты стоишь с двумя мальчиками, рыжим и... Гермиона, это Джеймс? Лили потрясенно посмотрела на Гермиону, затем внимательно посмотрела на фотографию. — Нет, у мальчика мои глаза. Он мой... мой сын? Это казалось невозможным. Как у нее мог быть ребенок? Но двадцать лет в будущем было другой историей. Она хотела детей, так что она догадалась, что это казалось логичным.

Лили посмотрела на Гермиону, которая медленно кивнула. «Его зовут Гарри. Его отправили жить к твоей сестре после того, как ты и Джеймс были убиты. Он известен, потому что он единственный человек, переживший Смертельное проклятие. гнев на лице Лили. — Лили? Ты в порядке?

— Его отправили жить к Петунии? Моей сестре Туни? От грустного кивка Гермионы она почти полностью потеряла самообладание. «Кто это сделал? Туни любила его?» Она знала, что Петуния ненавидит магию. Сколько раз она видела ужасную обиду в глазах сестры?

- Дамблдор. Сириуса посадили в Азкабан без суда, поэтому Дамблдор решил, что Гарри будет лучше с кровными родственниками. И некоторое время назад он подтвердил мои подозрения в жестоком обращении. И прежде чем вы спросите, Волдеморт убил вас и Джеймса, а затем пытался убить Гарри. Но Гарри выжил. И он единственный, кто может убить Волдеморта. Так что я должна помочь ему, — Гермиона взяла фотографию обратно, положила ее на покрывало и стянула с кровати подушку, чтобы обнять. «Я так беспокоюсь о нем».

«Сколько ему сейчас лет? И почему он должен убивать Волдеморта?» — спросила Лили, сбитая с толку. Если бы ее ребенок был того же возраста, что и Гермиона, то он едва ли был бы взрослым.

— Ему семнадцать. И причина, по которой мы находимся в центре войны, — это пророчество. В нем говорилось, что либо Гарри убьет Волдеморта, либо Волдеморт убьет Гарри. Гермиона сказала старую боль в глазах.

— Значит, мой сын либо убит, либо сам становится убийцей, — заметила Лили. «В каком мире вы живете? Что подростки нашего возраста воюют?» В ее голосе были настоящий гнев и безнадежность.

Гермиона пожала плечами. «Тот самый, в котором вы живете, через двадцать лет. А я попал на войну в нежном двенадцатилетнем возрасте».

Лили потрясенно встретилась глазами с Гермионой. — Каким был бы твой второй год в Хогвартсе? Твоя жизнь была в опасности на втором году обучения магии?

Гермиона отрицательно покачала головой, не желая начинать этот разговор. — Э-э, нет.

Впервые я оказался в серьезной опасности умереть на Хэллоуин, в первый год. Это было в конце моего первого года, когда я помогал своему лучшему другу противостоять Волдеморту.

— Твой лучший друг — Гарри, верно? — спросила Лили, кружась голова. — Так где, когда это случилось? Почему ты не был в Хогвартсе?

Брови Гермионы нахмурились в замешательстве. — Но я был в Хогвартсе под руководством Альбуса Кровавого Дамблдора. Гриффиндор, помнишь? Ты был со мной в больничном крыле, если я правильно помню.

— Я была, — сказала Лили. «Но как вы могли оказаться в опасности? Хогвартс — самое безопасное место в мире! Даже безопаснее, чем Гринготтс. Дамблдор победил Гриндевальда! Он самый могущественный волшебник со времен Мерлина!» — воскликнула она.

Гермиона фыркнула. «Я оспариваю все эти заявления. Я думаю, что Гринготтс безопаснее. Его взломали только один раз. Хогвартс подвергся вторжению много раз. И Дамблдор не так силен, как вам хотелось бы думать», — загадочно закончила она.

«Кто сильнее?» — спросила Лили.

"Гарри." — без колебаний сказала Гермиона. «Я подозреваю, что в конце концов он станет самым могущественным волшебником в мире. И он такой скромный и добрый. Ты знаешь, что это он спас меня от смерти на Хэллоуин, когда меня чуть не убили? Когда мне было двенадцать?»

— Он спас тебя? — спросила Лили. — От чего? Взрывающегося зелья? Про себя она подумала, что Гермиона, возможно, немного преувеличивает. Правда, в Хогвартсе могли быть несчастные случаи. Но нет ничего более опасного для жизни, чем волшебная случайность.

— Нет. Он спас меня от горного тролля, — небрежно ответила Гермиона. — И это было той ночью, когда я... — она остановилась. На самом деле она не была готова обсуждать свою вечную любовь к Гарри с его покойной матерью.

— Ты любишь его, не так ли. Ты влюблена в моего сына, — Лили смотрела на Гермиону со странным выражением лица, взглядом человека, совершающего интуитивный прыжок прямо перед ними. все время. — Как тебя зовет Гарри, Гермиона?

Гермиона посмотрела вниз и прошептала: «Миона».

— Я так и думал! Ты так разозлилась на Джеймса, потому что он похож на Гарри, и он назвал тебя «Миона». Это было зрелище, Лили Эванс с самодовольным выражением лица. Гермионе пришлось сдержать что-то среднее между рыданием и хихиканьем.

— Не злилась. Я просто была ошеломлена, — пояснила Гермиона.

— Ты еще мало рассказала мне о своих отношениях с моим сыном, Гермиона, — отчитала Лили. — Меня это устраивает, даже если он мой будущий сын. Это будут просто девичьи разговоры, никакой неловкости, обещаю. Итак, мой сын уже сделал предложение? Ты будешь моей невесткой? Лили остановилась, когда Гермиона наконец выдавила из себя всхлип.

«Нет. Он не любит меня. Ну, он любит меня, но как сестру. Я люблю его, а он считает меня своей старшей сестрой книжного червя». — горько сказала Гермиона. «Он влюблен в младшую сестру другого нашего лучшего друга, Рона. Она красивая и спортивная, и все, чем я не являюсь».

Лили поднесла руку к губам, понимая свою ошибку. — О, Гермиона. Это было сказано почти шепотом, сочувственно и с сожалением.

«Я думаю, что я просто немного сломалась, когда Джеймс назвал меня «Миона», потому что это всегда было его имя для меня. Я думала, что влюбилась в Джеймса на мгновение, и это напугало меня. Лили, мне так жаль. !" Гермиона

Лили обняла Гермиону обеими руками, утешая ее и говоря: «Это я должна сожалеть. И не беспокойся о Джеймсе, я знаю, что он очень милый, но я также знаю, что ты любишь Гарри. не о чем беспокоиться.»

Гермиона сжала старшую (Младшую? Она вообще существовала?) девушку, наслаждаясь человеческим контактом. — По крайней мере, у меня есть хорошие новости. Гарри приедет 21 декабря. Мы с Дамблдором рассчитали дату, так что, думаю, у тебя будет шанс встретиться с ним. Он будет так рад тебя видеть, Лили! Худая девушка села, слегка улыбаясь. «Думаю, мне нужно пойти извиниться перед Джеймсом. У тебя есть ночной халат, который я могу одолжить?»

В конце концов Лили нашла старую одежду Мэри, которая подошла бы Гермионе. Тем не менее, он упал только до верхней части ее коленей, а руки остановились в нескольких дюймах от ее локтей. На халате не было галстука, а Гермионе не хотелось его завязывать, поэтому через несколько минут две девушки спустились вниз.

Джеймс, Ремус и Сириус вместе подняли глаза, когда услышали шаги у входа в женское общежитие. У двоих отвисла челюсть, когда они увидели то зрелище, которое их ожидало.

Ремус был шокирован тем, что Лили так быстро заставила Гермиону перестать плакать, и был счастлив, что ей стало лучше после того, как она поговорила с рыжеволосой. Но то, как она выглядела, действительно поразило его.

На ней была узкая майка и шорты. Очень короткие шорты. Поверх этого восхитительного ансамбля была короткая синяя мантия, которая открывала гораздо больше, чем Ремусу было

комфортно видеть другого парня. Но потом он присмотрелся, и то, что он увидел, привело его в бешенство. Глаза Гермионы были красными, но этого и следовало ожидать после плача. Но что было самым примечательным в наряде, так это то, как сильно он свисал с нее. Теперь Ремус был убежден, что Джеймс не выдумывал ничего, когда говорил, какая она худая. Ее ноги выглядели так, будто когда-то были худыми и длинными, а теперь превратились в кожу да кости. Ее руки превратились в палки, и Ремус был уверен, что если он увидит ее в купальнике, то увидит и ее ребра. Гермиона выглядела так, будто была изголодавшейся тенью того, чем могла бы быть, но странным было то, что она этого не делала. Я не заметил, как ее лопатки торчали из спины так же, как ее ключица выступала из груди. Единственной ее частью, которая казалась полной и нормальной, были ее груди, которые, как заметил Ремус, представляли собой вздутия восхитительной плоти, которые выглядели так, будто просили внимания. Однако Ремус был хорошим мальчиком-католиком, и он оторвал взгляд от этих забытых грудей обратно к ее лицу, которое было нервным и настороженным.

«Джеймс? Мне очень жаль, что я на тебя взбесился. Это было связано с тем, что случилось в субботу в больничном крыле, и это было совершенно не по твоей вине. Ты можешь простить меня?» Гермиона заламывала руки и выглядела очень грустной.

Джеймс выглядел таким же потрясенным, как и Ремус, и медленно кивнул. "Ах, да. Конечно, я прощаю тебя. Но, извини, правда. Я больше не буду тебя так называть, если тебе от этого не по себе. Хорошо?" Гермиона кивнула и наклонилась, чтобы обнять его.

«Спасибо, Джеймс. Э-э, Ремус? Могу я поговорить с тобой наедине секунду?» Ремус стряхнул с себя дымку, в которую его поместила ключица Гермионы, и кивнул, следуя за ней в укромный уголок гостиной.

— Тебе что-то нужно, Гермиона? — спросил он ее, задаваясь вопросом, что может быть таким важным.

— Мне нужно тебе кое-что сказать. Обещай, что не будешь волноваться? Она выглядела взволнованной, и он почувствовал, как растет его любопытство.

— Да, обещаю. Что ты хочешь мне сказать?

— Я уже знаю, что ты оборотень. И еще у меня есть кое-что, что может помочь с твоими превращениями. Это не лекарство, но оно поможет тебе контролировать себя, — Гермиона была обеспокоена пустым взглядом Ремуса.

— Ты знаешь о моей ликантропии и еще не убежала с криком? И у тебя есть для меня частичное лекарство? Гермиона, ты сон или галлюцинация? Ремус выглядел обезумевшим и взволнованным, ущипнув себя за руку, чтобы убедиться, что он не спит.

— Нет, я не убегаю с криком, я не боюсь тебя. Я уже сразила одного оборотня в полнолуние без зелья, — сказала Гермиона, закатывая глаза. "И нет, волчье зелье не является частичным лекарством. Оно просто помогает сохранять голову во время превращений, чтобы никого не

укусить. Ты сворачиваешься на ковре, как безобидный волк. И я не сон и не галлюцинация. Я Гермиона Грейнджер, девочка-подросток из плоти и крови. У меня будет зелье для вас к пятнице, так что вы можете пить его в течение недели до полнолуния в субботу. Оно ужасно на вкус, но добавление сахара сводит его на нет. Так что просто держите вас нос и глотать, хорошо?» Ремус вскрикнул и обнял Гермиону, развернув ее и засмеявшись.

«Спасибо, спасибо, спасибо, Гермиона! Я навсегда буду у тебя в долгу!»

Гермиона рассмеялась и хлопнула его по руке, твердо говоря, чтобы он опустил ее. Ремус кивнул и пошел с Гермионой обратно к друзьям, которые с интересом наблюдали за разговором.

Сириус выглядел сварливым и разозлился на Ремуса. «Итак, я думаю, ты только что доказал свою репутацию опасного зверя, верно, Лунатик?» — ехидно заметил он.

Ремус лишь рассмеялся, согнувшись пополам, когда Гермиона обратилась к мальчику. — Как будто ты не зверь, Бродяга. Я что-то чую, Грим, как мокрую собаку. А ты? Выражение лица Мародера было веселым, и Лили и Мэри расхохотались. Тем не менее, другая половина Мародеров выглядела обеспокоенной, по крайней мере, до тех пор, пока Муни не подмигнул им, постукивая по запястью, личный сигнал «все хорошо». Гермиона продолжила, сказав: «Ну, я действительно устала. Я была с Дамблдором примерно до шести утра. Всем спокойной ночи!» Она помахала мальчишкам и обняла девочек, прежде чем снова подняться по лестнице.

Джеймс и Питер все еще были обеспокоены, а Сириус выглядел ошеломленным. Джеймс нервно провел рукой по волосам, затем слегка поцеловал Лили в губы и объявил группе: «Ну, я думаю, мы все устали. Спокойной ночи!» и потащил других мальчиков вверх по лестнице в мужское общежитие. Когда они прибыли, все мальчики рухнули на кровать Питера. Они не знали, что или кто делал в постели Сириуса, у Ремуса, вероятно, где-то был шоколад, а у Джеймса всегда был неряшливый вид. Итак, постель Питера была идеально заправлена.

Когда все устроились поудобнее, Джеймс посмотрел прямо на Муни и сказал: — Что случилось? Откуда Гермиона знает, что Сириус — анимаг? У Джеймса было подозрение, что она знала их много лет назад. Это действительно начинало его пугать.

Лунатик только рассмеялся, ответив: «Правда? Я понятия не имею. Но она знает, что я оборотень, и у нее есть зелье, которое облегчит мои превращения. Я думаю, она знает, что мы делаем в полнолуние. понятия не имею, откуда она это знает, но я уверен, что она нас не сдаст».

Джеймс нахмурился, повторяя выражение лица Бродяги. «Думаю, я знаю, откуда она это знает. Если я правильно предполагаю, у нее могут быть серьезные проблемы с Дамблдором из-за этого. Вы, ребята, хотите ее сдать?» Мгновенно он был встречен с тремя сердитыми выражениями.

Бродяга был первым, кто начал вгрызаться в Джеймса. «Нет! Мы обещали защитить ее. Какая

разница, знает ли она, что мы анимаги! Она не собирается нас сдавать!»

Червехвост кивал, соглашаясь с Сириусом. «Она действительно милая девушка. Профессор Флитвик сказал мне, что у нее будет репетиторская группа после того, как она помогла мне в классе. Я присоединяюсь к ним, и Сириус, пожалуйста, не сердись, но Флитвик заставляет Регулуса присоединиться к некоторым из его слизеринских друзей, которые терпят неудачу. Он убежден, что она может им помочь».

В глазах Сириуса появилось яростное выражение. «Я бы поговорил с моим дорогим братом, но если бы я это сделал, он бы вышел из себя, чтобы сделать ее жизнь несчастной. Итак, Питер, тебе придется убедиться, что она в безопасности во время занятий. Это выглядело бы странно, чтобы мы с Джеймсом учились, а Ремус — идеальный ученик. Ты единственный, кто может это сделать. Хорошо? Он смотрел прямо на Питера, ожидая, пока застенчивый мальчик кивнет со слабой уверенностью.

В итоге мальчик разговаривал до поздней ночи, упав в собственные кровати где-то после полуночи.

Лили и Элис вместе поднялись по лестнице, и их темой разговора была Гермиона. Алиса ужасно беспокоилась о «бедной девочке», а Лили нечего было сказать, чтобы успокоить светловолосую наседку.

— Лили? Ты видела бедняжку? У нее были видны суставы, и можно было сосчитать, сколько костей у этой девочки на теле. И мы заставили ее пропустить ужин! Лили...

— Элис, я знаю. И Гермиона обещала мне есть больше, — сказала Лили, скрестив пальцы на ложь. «Мы просто должны дать ей время привыкнуть к Хогвартсу. Теперь пришло время нам закончить подниматься по этой лестнице смерти и лечь спать, чтобы мы были готовы завтра к защите. Профессор Джонсон сказал, что хочет показать нам кое-что особенное, так что нам нужно отдохнуть.

Алиса устало улыбнулась и согласилась с Лили. Вскоре все кровати в общежитии для девочек-семикурсников были заняты спящими девочками.

Следующее утро началось почти так же, как и первое, только с большей неловкостью. И Гермиона, и Джеймс снова извинились друг перед другом, и завтрак начался без особых инцидентов. (Сириус и Джеймс имитируют бой на мечах багетами, Ремус изображает разных учителей, Питер опускает локоть в миску с маслом, когда видит, как Доркас подмигивает ему)

Однако, когда они выходили из Большого зала, профессор Флитвик, бежавший на своих коротких ножках, подошел к Гермионе и вручил ей список студентов, которым нужен репетитор. После быстрого обсуждения они договорились, что занятия с репетиторами пройдут в библиотеке в четверг после занятий. Гермиона, Лили и Ремус были очень взволнованы уроком защиты от темных искусств, который быстро приближался, так как профессор Джонсон пообещал им неожиданный интерактивный урок, в котором будет

участвовать волшебное существо. Весь класс с нетерпением ждал прихода учителя, и их ожидания подтвердились, когда в класс ворвался профессор Джонсон с мальчишеской ухмылкой на лице.

«Хорошо, все, убирайте книги и следуйте за мной! На прошлом уроке я сказал, что у вас будет особый сюрприз. Этот сюрприз... боггарт!»

<http://tl.rulate.ru/book/79341/2397787>